

Российская газ. - 1992. - 14 июля. - с. 8.
Краткость — сестра Вишневского

У поэта **Владимира Вишневского** собственная гордость: он — автор самых коротких в России произведений. Его последнюю книгу «В отличие от себя», как оказалось, найти гораздо сложнее, чем автора.

— **Владимир, насколько нам известно, вы некогда чуть было не стали журналистом?**

— У меня за плечами литературный факультет пединститута, но я пошел не преподавать, а служить в армию. Потом действительно пытался стать советским журналистом, но Бог хранил меня от этого: не понравилась моя анкета. Но я не жалею, ведь газета отняла бы творческие силы. Мое поколение выросло на дрожжах поэтов-шестидесятников в те годы, когда поэзия была массовым увлечением. Увы, никогда больше поэты не будут играть столь заметной роли.

— **Наверное, вы правы. И тем не менее, на наш взгляд, кое-что повторяется. Вновь возрос интерес к поэзии. Правда, к поэзии иной, исполненной иронии.**

— Поэзия тех лет была скорее явлением социальным, чем литературным. Она несла дух свободы, на выступления поэтов собирались огромные залы. А сегодня вся наша жизнь способствует расцвету всеобщего сарказма. Посмотрите вокруг: все идеологические совковые клише, идиомы на наших глазах обретают подчас противоположные или абсурдные значения. Поэт не может пройти мимо этого.

— **И В. Вишневский не исключение?**

— Нет, конечно. Хотя тот Вишневский, которого вы имеете в виду, появился уже давно. Если же говорить о дне сегодняшнем, то мне совсем не нравится этот тотальный стеб, черный юмор ради него самого. Я предпочитаю добрую иронию. С обязательной спасительной ноткой простодушия, легковесности — сегодня, по-моему, это необходимо для выживания.

— **Наиболее характерные ваши стихи написаны именно в таком ироническом стиле. Возможно определить этот «коктейль Вишневского» как жанр?**

— Раньше меня ужасало слово «юморист». «Сатириком» тоже быть не хочется...

— **Может быть, следует назвать это «иронистом»?**

— Несколько ближе. Впрочем, к определению собственного жанра я пришел недавно. А помог случай. Музыкант Андрей Липский застал своего сына за стихосложением. А тот с достоинством ответил: «Нет, папа, это не стихи, это путни...» Путни — слово-то какое хорошее! Благодаря ребенку я и осознал жанр. Временами этот гибкий жанр приобретает новые, подчас пародийные формы.

— **Вам вообще неплохо удаются миниатюры: при минимуме слов максимум содержания, иронии. Похоже, здесь есть обратная зависимость: судя по тому, что самые известные ваши произведения — это одностишия.**

— Да, возможно, в одностишиях я нашел себя. Поляк Ян Парандовский писал, что именно первая строка нисходит на поэта свыше. Видимо, мне удастся пеленговать небесные флюиды, эти капающие на землю строчки, которые можно и не продолжать.

— **Но ведь одностишие — жанр не новый...**

— Да, старый, но хорошо забытый. Прекрасный образец создал Н. Карамзин: «Покойся, милых прах, до радостного утра...» Позднее В. Брюсов шокировал публику ставшим впоследствии хрестоматийным: «О закрой свои бледные ноги!» Честно признаюсь, что традиция именно Брюсова оказала на меня сильнейшее влияние.

— **А чем вызвано воскрешение этого жанра?**

— Дело в том, что сегодня оратору опасно быть пространным. Могут захлопать или даже «прихлопнуть» чем-нибудь тяжелым. Поэту очень важно быть лаконичным. Как это возможно для читающего с эстрады поэта? Например, с помощью одностиший. Пока меня не лишили слова, я успеваю прочесть целое произведение.

— **А то и целый цикл...**

— Цикл удается прочесть потому, что слушателям нравится все прочитанное до этого. Одностишия не успевают надоесть. И они воспринимаются даже теми, кто прохладно относится к мему творчеству.

**Дмитрий УРЮПИН,
 Валерий КРЫКОВ.**